

ГРИГОРИЙ ЛУГОВСКИЙ

ПАРАДОКСЬ СВОБОДЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЛЕ И ПУСТОТЕ

Григорий Луговский
Парадоксы свободы.
Размышления о воле и пустоте

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9360581
ISBN 978-5-4474-0711-7*

Аннотация

Чаще свободу определяют через отсутствие чего-то: рабства, угнетения, давления. В конечном же итоге оказывается, что основной смысл свободы – отсутствие всего. Ведь что бы то ни было способно свободу ограничивать и только пустота является достаточно убедительным описанием свободного состояния бытия. Конечно, любая пустота относительна. Но ведь и материи «самой по себе» мы не знаем, она бесконечно делима, а значит, бесконечно содержит в себе некие промежутки, которые можно назвать пустотой.

Содержание

Желания и возможности.	5
Индра и Вритра.	6
Свобода как пустота	8
Четыре измерения свободы	11
Свобода и система	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Парадоксы свободы
размышления о воле и пустоте
Григорий Луговский**

© Григорий Луговский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Желания и возможности. Несколько вопросов без ответов

Какая разница, что ты делаешь, если ты делаешь не то, что хочешь?

Какая разница с кем ты, если ты не с тем, с кем хочешь?

Какая разница, где ты, если ты не там, где хочешь?

Какая разница, кто ты, если ты не тот, кем быть хочешь?

Какая разница как именно ты компенсируешь то, что не можешь получить?

Существует ли только один правильный выбор для каждого из нас?

Или может быть выбор и делает нас? Каждый акт выбора – шаг на пути делания себя.

В таком случае, ограничение выбора, действующее в любой системе, способно исказить нашу возможность выбирать и быть собой. Мы становимся теми, кем мы есть, а не теми, кем могли бы быть, если бы действовали свободно. Более свободно, ведь выбор – это проблема, и не каждый готов переживать эту проблему снова и снова. А потому готов отказаться от части свободы, делегируя ее системе, порядку, который «освящает» протекающие упорядоченные процессы и положение вещей.

Как мы может быть уверенными в каждом новом выборе, если уже уверены, что один из предыдущих был неверным? Ведь тогда все последующие наши действия уже не верны. Пока мы пытаемся выехать на трассу своей «реальной» жизни, жизнь проходит мимо нас.

Или все-таки нет никакой разницы? И в этом случае мы живём здесь и сейчас, не зависимо от всех вариантов, которые пролетели мимо. И та точка жизни, в которой ты сейчас, и есть твоя истинная реальность, которую заслужил. Тогда любой выбор, который сделан, является верным? И наша дорога меняет своё направление, хоть на долю градуса, в каждый момент совершения выбора.

Наши желания вытекают из сделанных ранее выборов. Желания диктуют новый выбор. Что первично: выбор, или желание? Возможностей всегда больше, чем желаний, но в русле наших желаний возможностей всегда меньше. Часто – ни одной. В таком случае, чтобы пользоваться большей свободой, нужно делать выбор вразрез с желаниями?

Мы – итог цепи выборов, сделанных еще до появления нас. Но, даже появившись, мы продолжаем оставаться под постоянным влиянием чужих выборов.

Индра и Вритра. Вместо предисловия

В середине 90-х годов, под впечатлением одного индусского мифа, у меня возникло желание написать небольшое эссе под названием «Индра и Вритра». В чем суть впечатлившего сюжета? В идее вечно противостоящих друг другу сил, одна из которых символизируется злым змееподобным демоном Вритрой, а вторая – громовержцем, богом-героем Индрой. Сутью Вритры является идея преграды (вероятно, наше слово «вред» того же корня). Он становится плотиной на пути несущих жизнь вод, вызывая засуху. Идеей Индры выступает борьба, война и победа, а его эпитет Шакра означает «могучий». Вритра считается персонификатором хаоса, а Индра – космотворческого принципа. Но меня в этом сюжете, в этих архаических мифологических образах заинтересовала их парадоксальная обратимость. Ведь именно косность, порядок, наличие преград является важнейшими качествами упорядоченного, космического бытия. А разрушение, война – качества хаоса. Так где же тут благое, а где злое начало? В чем подвиг Индры и чем плох Вритра? На это может быть дан исторический ответ, в духе Ж. Дюмезиля, изучавшего праиндоевропейское общество и утверждавшего наличие в нем трех устойчивых социальных групп, каждая из которых имела собственных персонификаторов-божеств. Вритра, символизирующий преграду, являлся патроном сакрально-юридической функции и касты-сословия жрецов. А Индра-разрушитель выступает покровителем сословия кшатриев – воинов. Тем самым миф отразил торжество концепции космоса военных вождей, пришедшего на смену прежнему космосу законников-жрецов. Но помимо исторических (и остающихся пока спорными) выводов, мы можем извлечь из этого мифологического сюжета и философские, смысловые. Во-первых, это диалектическая идея смены старого, заостренвшегося, превратившегося в преграду, новым, выступающим в форме разрушительной энергии, которая слишком долго оставалась сдерживаемая. Это идея потока, вырывающегося сквозь разрушенную плотину. Во-вторых, любой космос условен. Чем больше он космос, тем больше в нем стен, преград, заторов, стремящихся упорядочить течение вольной энергии. Много космоса значит мало свободы. И такой космос в силу естественных и социальных законов обречен на разрушение. Поэтому идеальный космос включает в себя силы хаоса, устанавливая с ними союз. В общественной жизни эти уступки хаосу выглядят как социальная мобильность, участие в советах, выборах, то есть возможность «услышать каждого».

На восточной окраине индоевропейского мира, в индийской традиции, ярким образом космоса, упорядоченного бытия, выступает мандала – особое изображение, включающее в себя круг с рядом секторов, напоминая колесо со спицами. Емкий образ, учитывая, что колесо символизирует круговое движение, а значит – повторяемость и вечность. Западная индоевропейская традиция породила образ лабиринта, хорошо известный из греческого мифа о Тесее и Минотавре. От мандалы лабиринт отличает произвольность формы, как внешняя, так и внутренняя, где вместо радиальных границ-спиц мы видим сверхсложный рисунок из стен-преград, заставляющих блуждать меж ними в поисках выхода. Лабиринт может быть как округлым, так и квадратным, а его внутренняя сложность наталкивает на мысль о доступности знания лишь для посвященных, тех, кто взирает на это сверхсложность сверху, с вершины опыта, знания и/или власти. Можно ли считать Лабиринт символом космоса, упорядоченного мира? Скорее это тот космос, который близок к идее Вритры: множество прямых углов, извивающийся змеем путь, многоголово ветвящийся, вычурный, загадочный, эзотерический, секретный. Колесо мандалы символизирует движение и вольное течение жизненной энергии, а лабиринт преподносит идею скрытых тайников, путь к кото-

рым без заветной нити Ариадны не найти. Две концепции мира-космоса, воссозданных разными ветвями индоевропейского общества; Восток с мандалой и Запад с лабиринтом; Азия с воином-Индрой во главе и Европа с Вритрой-жрецом на знамени. Какой из этих образов космоса следует принять за образец? Здесь перед нами очередной перевертыш. Не существует Индры без Вритры, и нет абсолютного торжества какого-то из двух принципов. Просто один из них оказывается приоритетным, а другой вынужден уступить. Западный вариант космоса включает в себя больше хаоса, но и больше космоса: больше стен и больше проходов между ними. Это зримое, количественное свойство лабиринта, который очевидно сложнее мандалы-колеса. Идея, которую провозглашает нам Лабиринт: мир сложен, слишком сложен, поэтому следует учиться и изучать мир, чтобы тебе открылся Путь. Идея мандалы: все повторяется, но все во власти высших сил, мир прекрасен и прост. Путь Востока – это дорога блаженного невежества, вращающего свой мир вокруг оси, не интересуясь микроскопическими изменениями. Даже выработанная китайцами идея Дао – это дилектика без каких-либо изменений, эволюции; здесь всё подчинено неизменному Закону, а всякий прогресс и изменения свершаются как раз вопреки Дао. Путь Запада – это дорога познающего, открывающего новое, это путь открытого к изменениям мира. Лабиринт изобилует «точками бифуркации», непрестанно создавая ситуации выбора. Если для Востока Знание есть знание «священного закона», существующего если не изначально, то очень давно и незыблемо, то для Запада Знание – процесс непрерывного постижения тайн бытия. Знание иерархично, поскольку ни одно знание не может считаться окончательной истиной; это Знание послужит нам лишь до следующего поворота в корридорах лабиринта. Отношение Востока к бытию мистично, тогда как у Запада – магично. Не случайно О. Шпенглер считал европейскую цивилизацию фаустовской. Пытать силы природы, вырывая силой или хитростью у них тайны, а не вымаливать на коленях истину – вот что характерно для западного отношения к миру.

Могут возникнуть сомнения: действительно ли лабиринт символизирует мир как некое упорядоченное бытие? Не слишком ли он хаотичен для космоса? Не чрезмерно ли сложен? Но ответ лежит в магическом характере западной культуры, где сложность, поиск новых путей являются нормой, где были провозглашены принципы: «я знаю, что ничего не знаю» и «человек – мера всех вещей». Из этих принципов вытекает, что **каждый** человек творит собственный космос и способен сам определять меру. На самом деле не существует «космоса вообще» и «хаоса вообще», поскольку познание иерархично; для одних теорема Пифагора и законы Ньютона – вершина познания, а другие проектирует ракеты; кто-то удовлетворяется «мыльными операми», а другим подавай Достоевского с экзистенциалистами. Это означает, что каждый пользуется собственной схемой мира, и у одних она больше похожа на мифическое колесо мандалы, а у других – на извилистый лабиринт. Вот примерно это я и хотел изложить в эссе про Индру и Вритру. Но не написал, так как углубился в другую смежную с этой тему – о явлении сакрального. В 1996-м была создана первая редакция рукописи «О природе сакрального», которая уже в наши дни подверглась значительным доработкам. А теперь настал черед другой важной темы, вытекающей из сюжета об Индре и Вритре, из противопоставления мандалы и лабиринта. Тема эта – свобода.

Свобода как пустота

О свободе говорили и писали давно и достаточно много. Эта тема интересна и философам, и «свободным художникам», и политикам, и обывателям. И хотя почти все понимают смысл понятия «свобода», выразить его ясно и определенно – не простая задача. Чаще свободу определяют через отсутствие чего-то: рабства, угнетения, давления. В конечном же итоге оказывается, что основной смысл свободы – **отсутствие всего**. Ведь что бы то ни было способно свободу ограничивать и только пустота является достаточно убедительным описанием свободного состояния бытия. А если погуглить картинку по запросу «свобода», то поиск выдаст массу изображений людей, стоящих на какой-нибудь горе с распростертыми руками, или даже подпрыгивающих, пытаясь изобразить полет. «Вольная птица» – эпитет более распространенный, чем «вольный зверь», а тем более какая-нибудь рыба, рептилия, или трава. А выражение «вольный ветер» приходит на ум гораздо быстрее, чем «вольная вода», или «вольная земля» (впрочем, последнее выражение может иметь и двоякий смысл, см. «Свобода своя и чужая»). Напрашивается вывод, что свобода предполагает возможность полета, или хотя бы максимального контакта с воздушным пространством, которое само по себе является символом освобождения от материального, бренного, телесного. Когда мы говорим «свободное место», «свободное время», «свободная касса» и т. д., подразумеваются место/время/касса **пустые**, не занятые, но потенциально могущие быть заполненными.

Наиболее простое определение, вытекающее из сказанного: **свобода – это пустота**. Этот вывод мы получим без погружения в многословие умных книг – такое понимание свободы вытекает из самого языка и нашего опыта. Конечно, любая пустота относительна. А физики могут сказать, что пустоты вообще не существует, по крайней мере, нам такая не известна. Но ведь и материи «самой по себе» мы не знаем, она бесконечно делима, а значит, бесконечно содержит в себе некие промежутки, которые условно можно назвать пустотой. Пустота существует и постигается лишь в сравнении с какой-то «непустотой», или материальными объектами. При этом любая пустота окажется условной, ограниченной конкретным уровнем ее проявления, как и материя, овеществляемая благодаря наличию пустоты рядом/вокруг, позволяющей быть отдельным объектам вообще. Материя обретает свое бытие через пустоту, а пустота выступает таковой, имея проявленные формы материи в себе/рядом с собой. Собственно, то, что Аристотель называл формой – это и есть та самая пустота, поскольку материя им рассматривалась лишь как материал, аморфный наполнитель. Каждая конкретная пустота существует для конкретных проявлений материи. А главнейшее свойство материи – движение – осуществимо только благодаря наличию некоей условной пустоты, позволяющей осуществлять такое движение внутри себя.

Один из популярных вариантов основного вопроса философии звучит так: «что первично: материя, или сознание». В свете сказанного его можно перефразировать: «что первично: материя, или пустота». Такая редакция основного вопроса освежает его актуальность, ведь «сознание», или «дух» – понятия слишком человеческие, а пустота/свобода очевидно являются свойством физического мира. Не будь в мире свободы, не было бы возможно и движение, а значит, и любое развитие форм материи. Правда, из коктейля пустоты и материи усложнение и совершенствование форм движения вроде бы не вытекает, но мы говорим не о причине эволюции, а об ее потенциальной возможности. Ведь не будь пустоты, или свободы в мире, отсутствовало бы и движение. Сама материя без движения не мыслима, это ее главное сущностное свойство. Единство материи и пустоты выступает основой бытия как такового. Нужно лишь постоянно иметь в виду, что эти материя и пустота условны и внутри одних материальных объектов будут другая пустота и другие объекты. Мы вообще не можем пока знать, что такое «сама по себе» материя и пустота (как не-материя). Вероятнее всего,

они не существуют в «чистом виде», мы постигаем лишь их проявления, у которых если и есть какие-то начало и конец, то добраться до этих «краев мира» нам не суждено.

Первооткрыватель идеи небытия Парменид стал и первым его закрывателем, утверждая: *«Можно лишь то говорить и мыслить, что есть: бытие ведь Есть, а ничто не есть»*. Демокрит и атомисты Небытие, или Ничто отождествили с пустотой, а современная физика склоняется к тому, что подлинной пустоты не существует (эту идею поддерживают и многие мистические учения¹). А значит, нет и подлинного небытия. По мнению Гегеля, бытие должно было возникнуть из небытия, или, как он пишет, «из ничто»: *«Есть пока что ничто и должно возникнуть нечто. Начало есть не чистое ничто, а такое ничто, из которого должно произойти нечто, бытие»*.

Если свобода «дает жизнь» всему сущему, то напрашивается вопрос: не является ли она сама не-сущим, или небытием? В этой связи уместно вспомнить «Трактат о Небытии» А. Чанышева, в котором небытие утверждается как первоначальная основа действительности, источник бытия. По Чанышеву, небытие – более реально, чем бытие. Характерна такая цитата из его трактата: *«Небытие окружает меня со всех сторон. Оно во мне. Оно преследует и настигает меня, оно хватается за горло, оно на миг отпускает меня, оно ждет, оно знает, что я его добыча, что мне никуда от него не уйти. Небытие невидимо, оно не дано непосредственно, оно всегда прячется за спину бытия. Небытие убивает, но убивает руками бытия... Бытие только тень небытия, его изнанка. Оно как сверкающая всеми цветами радуги пленка нефти на поверхности океана, океана небытия... Оно как волна, бегущая перед кораблем, кораблем небытия... Оно покоится в небытии как ребенок в чреве матери. Небытие повсюду и всегда: в дыхании, в пении соловья, в лепете ребенка... Оно – сама жизнь!»*. Эта мысль очень созвучна тому пониманию свободы, которую мы описываем. Будучи ничем, свобода позволяет быть всему тому, что есть. Но следует ли считать свободу не-сущим? Если она не существующее, то о ней нельзя сказать ничего позитивного, дать ей ни одной характеристики. Между тем, свобода «есть» и «существует», поскольку она обладает определенными проявлениями, позволяющими дать ей даже количественные характеристики. Мы сами можем определить меру своей свободы, либо воспринимать объективные факторы окружающего бытия, задающие рамки нашей свободы. Свободу можно считать не-сущим, несущим в себе все сущее. Но вряд ли свобода равнозначна небытию в том «виде», который ему обычно приписывают философы. Хотя в чанышевской трактовке небытия мы легко обнаружим многие свойства свободы.

Именно знание о смерти, своей (и любого другого объекта и субъекта) конечности делает нас свободными, поскольку свобода и предполагает дискретность, прерывность бытия, внесения промежутков как необходимого условия существования чего-либо отдельного. Интересны слова Льва Толстого, подтверждающие эту мысль: *«Только она (смерть),*

¹ Характерна в этой связи цитата из С. Грофа: *«Встреча с Абсолютным Сознанием или отождествление с ним не единственный способ пережить высший космический принцип, или абсолютную реальность. Второй тип переживаний, которые как будто бы удовлетворяют искателей окончательных ответов, особенно удивителен, ибо не имеет определенного содержания. Это отождествление с Космической Пустотой и Ничто, Небытием, которые описаны в мистической литературе просто как Пустота. Важно подчеркнуть, что отнюдь не все переживания пустотности с которыми мы можем столкнуться в необычных состояниях, можно назвать Пустотой. Люди очень часто используют этот термин, описывая неприятное ощущение отсутствия эмоций, инициативы или смысла. Чтобы это состояние заслуживало называться Пустотой, оно должно отвечать весьма особым критериям. Когда мы сталкиваемся с Пустотой, мы ощущаем ее как изначальную пустотность космического масштаба. Мы становимся чистым сознанием, воспринимающим это абсолютное ничто, но в то же время испытываем парадоксальное ощущение его сущностной наполненности, насыщенности. Этот космический вакуум являет собой абсолютную полноту, ибо в нем, кажется, присутствует все. Он ничего не содержит в конкретной, явленной форме, но словно бы заключает в себе все бытие в его потенциальной форме. Вот таким парадоксальным образом мы можем выйти за пределы обычной дихотомии между пустотой и формой, или существованием и не-существованием. Однако возможность такого разрешения нельзя адекватно передать словами; постичь ее можно только в переживании»*. (С. Гроф. Космическая игра)

т. е. мысль о ней, выносит в такую область мысли, где полная свобода и радость». (Письмо В. Стасову)

То, что мы знаем как пустоту и поле нашей свободы, является, прежде всего, плодом восприятия волюнтаристского разума, направленного на внешнюю природу как на пассивное начало, объект. Таков характер европейского мировосприятия, сделавшего гигантские успехи в деле познания и преобразования мира, формирования высокотехнологичной антропогенной среды благодаря такому отношению к бытию. Мне удобно видеть пустоту как поле для реализации своей свободы. Но кто-то увидит на месте этой пустоты огромное число незримых для невооруженного глаза связей, заполняющих все пространство и влияющих на нашу жизнь, наш выбор, а значит – и на свободу. Поэтому восточное мировосприятие, не знавшее идеи пустоты, не знакомо и с настоящей свободой. Взгляд ученого на свою область также открывает гигантское количество незримых для обыденного взгляда связей. Но ученый, мыслящий все-таки линейно, волюнтаристски, видит иные вопросы, иные пустоты, таящие неразрешенные проблемы. То есть пустота/свобода специалиста и профана (неспециалиста) будут существенно отличаться при взгляде на одну и ту же проблему, или явление.

Таким образом, **объективной** пустоты действительно не существует. То же можно сказать и о свободе, которая всегда **субъективна**. Из каждой точки времени/пространства открывается различный вид не только на окружающее бытие, но и на свободу. Точно также каждое отдельное сознание, или иное зеркало, отражает свой, доступный ему образ свободы. Вспомним и учения о тотальной иллюзорности действительности. Ведь бытие – это более процессы, чем вещи. Вещи воспринимаются нами как таковые лишь в силу ограниченности нашего восприятия, особенно во времени. Ни один предмет не статичен в своих формах, он является статичным только в качестве предмета воспринятого непосредственно, здесь и сейчас. *«Вдумаемся в то, что значит для предмета «быть», быть суцим, быть чем—то. Если предмет вообще есть нечто, то это значит, что предмет отличается от иного. Если предмет ничем не отличается от иного, то нельзя сказать и того, что он есть нечто. Тогда он слит с другим, неразличим от всего иного и другого, и о нем ничего нельзя сказать как о нем. Но отличаться от иного и не сливаться с другим можно только тогда, когда есть определенная граница, очертание, форма. Предмет отличается от иного – это значит, что предмет имеет определенное очертание, и – обратно. Надо только хорошенько усвоить себе природу этого «иного»* (А. Ф. Лосев. Философия имени).

Более важное качество предмета – процесс. А значит, перетекание форм, переход в другие предметы, размывание всяческих границ. Свобода находится **над** и **за** всем этим, поэтому условно она пустота, ведь протекание процессов возможно лишь там, где это позволяет конфигурация внешних обстоятельств. А свобода – поле такого позволения.

Процесс открывания свободы тождественен эволюции – усложнению как необходимому условию обретения новой свободы. Больше свободы дает больше возможностей, а значит, повышает способность выживанию. Но на самом пути к этой новой свободе сложно выжить. Поэтому многие/большинство выбирают застой в зоне комфорта, выбирают отсутствие выбора. И без необходимости, без принуждающих к действию вызовов извне, не ходят по этому пути.

Эволюция, частью которой является и развертывание человеческой истории, заключена в непрерывном восхождении от «свободы от» к «свободе для». Вначале освобождается пространство для нового, а затем новое заполняет это пространство, понуждая к поиску очередного глотка свободы.

Четыре измерения свободы

Варианты выбора, доступные нам, ограничиваются массой причин и преград, но все они сводимы к четырем измерениям, в которых и проявляется свобода.

Первое измерение свободы – **время**. Если представить нашу жизнь как протяженность во времени, то варианты выбора будут сужаться подобно воронке – от рождения к смерти. Чем дольше мы живём, тем, без всяких сомнений, меньше времени у нас остается. А значит – и меньше вариантов выбора. Смерть – точка, когда выбор исчезает совсем. Чем дольше мы живём, тем яснее нам и окружающим кто мы есть, кем мы стали и кем уже не сможем стать.

Вторым измерением свободы является **пространство**, оформленное в нашей картине мира как трехмерная реальность (современная физика считает, что мерность может быть иной, а значит, пространство является еще более сложно организованной реальностью, с еще большими, но пока не доступными нам, гранями свободы). Не зря лишение свободы означает заточение в замкнутое пространство, будь то тюрьма, ссылка, любое обездвиживание. Одной из метафор свободы считается полёт, то есть возможность передвижения не только в одной плоскости, но фактически во всех направлениях. Именно пространство мы прежде всего другого можем воспринимать как «пустое». И постигаем пространство через наличие и отсутствие преград на пути движения в нем. Конечно, всякая пустота условна. Если кто-то появляется в пустоте, она перестает быть пустотой. Но оставшееся пространство есть полем выбора для того, кто этой пустотой пользуется. Чем меньше пустоты, тем уже воронка вариантов возможного движения в таком пространстве. Скученность – один из признаков несвободы.

Тем не менее, человек часто вынужденно устремляется в плотную гущу людей. Потому что собственно человек является носителем еще двух измерений свободы. Чем ближе к нам множество людей, тем больше они открывают нам возможностей, одновременно отнимая у нас пространство, время и часть специфически человеческой свободы, которая заключена в сознании, а также в энергии/ресурсах/деньгах.

Третье измерение свободы, известное нам – **сознание**. Это, вероятно, самое прогрессивное, самое человеческое и самое загадочное проявление свободы (см. подробнее «Свобода и сознание»). Первейшее свойство и качество сознания – отражать всю действительность, а значит всю данную в ощущениях свободу и несвободу окружающего бытия. Но сознание – не только зеркало, но и живая система, способная работать с полученной информацией. Сознание не только отражает физическую реальность, но и способно моделировать на основе полученной информации свою особенную, психическую реальность. Эта реальность включает в себя и действительное, и возможное, выстраивая вероятные, или даже самые невероятные сценарии развития. Таким образом, сознание позволяет двигаться (внутри себя) во времени и пространстве, преодолевая те ограничения, которые накладывает окружающий материальный мир. Если в реальности наше движение во времени непрерывно и последовательно, имеет единственное направление, то в сознании мы можем это движение менять, отстраняясь от рабства данного нам «здесь и сейчас». Дух, или сознание – самая яркая форма человеческой свободы, в которой мы можем компенсировать недостачу всего остального. Не случайно так важны для нашего существования «рукотворные» реальности – искусство, литература, спорт, хобби. Всё то, что формирует новые грани действительности, расширяя границы нашей свободы. Человек, погруженный в себя, захваченный внутренними процессами, протекающими в сознании, напоминает растение, т. к. теряет в это время интерес к внешней реальности и первым двум проекциям свободы – пространству и времени.

Четвертое измерение свободы – это **энергия, ресурсы**, или социальная их форма, **финансы. Деньги** – человеческое изобретение, по сути вводящее свободу в обращение и обмен. Деньгами измеряется всё, что может являться объектом желания, а значит и выбора. Чем сильнее желание, чем большее количество желающих, тем выше цена. И наоборот. Денежные потоки, словно реки и ручьи, в которые люди сливают свою свободу и обменивают ее на свободу чужую (см. также «Свобода и система»). В деньги мы переплавляем наше время, которое продаем кому-то, в деньгах можно измерить и пространство, которым мы можем пользоваться. А духовные продукты сознания могут также становиться товаром по мере того, как он обретает способность удовлетворять чьи-то потребности. *«Деньги – это чеканная свобода»* (Ф. М. Достоевский).

Конечно, можно поставить сказанное под сомнение, предполагая, что должны быть и другие измерения свободы. Вполне возможно, но я перечислил известные, «открытые» нам формы свободы как поля возможного движения. Не возражаю, если кто-то сможет дополнить этот список.

Свобода и система

Является ли свобода «осознанной необходимостью», как полагал Маркс? Если руководствоваться законом сохранения энергии, или ценностями рынка, то целью любой деятельности является стремление отдать меньше свободы, а получить как можно больше. В таком случае необходимо действовать необходимо – ловить тенденции, угадывать спрос, удовлетворять предложение. Тем самым свобода из цели становится средством. Капиталист – один из наименее свободных людей. Любая одержимость является ограничением свободы и путем предсказуемых выборов. То же можно говорить и об одержимости идеями, духовно ограничивающими варианты выбора.

Но так ли важно количество этих вариантов? Избыток вариантов выбора порождает хаос. Гораздо легче делать выбор из небольшого числа вариантов, слишком частая ситуация выбора утомляет. Поэтому свою свободу мы устремляем к необходимости. Много свободы, много выбора требуют избыточной энергии, а также являются причинами неуверенности. Там, где много свободы, мир скорее жидкий, или газообразный (не случайно слово «газ» происходит от греческого «хаос»), но любому из нас необходима почва под ногами и какие-то ясные и плотные ориентиры, помогающие двигаться по жизни. Именно поэтому выбор чаще всего опирается на необходимость, тем самым укрепляя действительное положение дел, а не разрушая его. Так хаос ставится на службу определенному порядку, если этот порядок устраивает большинство реализующих свой выбор.

Есть физики, полагающие, что самим фактом наблюдения за некоторыми системами можно преобразовать эти системы. Акт наблюдения влияет на наблюдаемое. Отражение становится актом искажения. Точно также обстоит дело с пустотой, в которой есть «кто-то» (а иной пустоты мы и не знаем, и не можем знать). Вспомним, если в пустоте появляется «кто-то», он ликвидирует пустоту. Конкретный «кто-то» влияет на пустоту вокруг себя, делая её «особенной», приобретающей очертания «его». Это только «его» пустота, «его» возможности выбора, «его» свобода и необходимость. Как у каждого «его» есть причины, так и «он» сам может выступать причиной своей, собственной свободы. При этом нужно помнить, что существует и некая «свобода вообще» – всеобщая сцена бытия, которая сама не нуждается в причинах, а является причиной для всего. Это единственная «вещь», которую можно условно назвать творцом реальности. Свобода и творчество – эти понятия так связаны, что часто можно встретить устойчивое словосочетание «свобода творчества». Важнейшим условием творчества считается вдохновение – состояние внутренней наполненности будущим продуктом творчества, готовностью творить. Чтобы возникла потребность творения, необходим «информационный повод» – особая идея как духовное событие, которое бы вывело из равновесия внутренний космос творца. Вдохновение – это экстатический вдох, одержимость творца идеей творения. Само слово «творение» указывает на «открытие» и даже на «дыру» (по сути – пустоту), поскольку слово «дверь» (нем. *Tür*, англ. *door*, ср. также укр. *отвір*) – отверстие) имеет тот же корень. Эту мысль подтверждает и Н. Бердяев, писавший: *«Творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы. Критики приписывали мне нелепую мысль, что творчество человека не нуждается в материи, в материалах мира... Но творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который привходит во всякий подлинный творческий акт. В этом тайна творчества. В этом смысле творчество есть творчество из ничего. Это лишь значит, что оно не определяется целиком из мира, оно есть также эманация свободы, не определяемой ничем извне».*

Любая свобода относительна. Но следует понять, относительно чего существует эта относительность. Вся наблюдаемая нами действительность состоит из множества систем – организмов и организаций, в той или иной мере открытых или замкнутых. Системы могут пересекаться, включаться одни в другие в качестве подсистем, синергетически подпитывать друг друга и конфликтовать. Фундаментальным принципом любой системы является ее отношение к свободе, к дозволенному и запрещенному. Замечу, что свобода не относится ни к дозволенному (как **нужно** делать), ни к запрещенному (как **не нужно** делать), поскольку она является источником для обоих. Ее главный принцип – внесистемность. Основная задача любой системы – отобрать из числа предлагаемых в рамках имеющейся свободы вариантов поведения дозволенные и запрещенные. Между собой системы конфликтуют или «дружат» именно исходя из набора этих устоявшихся правил поведения.

Поскольку каждый космос плавает в каком-нибудь хаосе, в основе любой системы лежит свобода, из творческой переработки которой и создается «тело» этой системы. Чем шире база, подпитывающая систему, тем сильнее, богаче и жизнеспособнее такая система. Однако, слишком широкая база, создает и угрозу системе. Чем больше свободы может позволять система, тем меньше она космос и больше хаос. Нарушение баланса порядка и свободы в пользу свободы разрушает систему. Чаще всего на ее основе возникает множество мелких систем.

По отношению к такой системе как сознание, питающей и организующей ее средой выступают природа (в том числе внутренняя природа, включая бессознательное) и окружающая культура. Если система признает себя подсистемой довлеющей над ней надсистемы, то ее индивидуальность сводится к минимуму. Такая система является просто кирпичом в стене надсистемы (конформизм). В случае же, если формирующаяся система сознания не удовлетворяется предлагаемым надсистемой набором методов поведения (дозволенное и запрещенное), она обращается за опытом к подсистемам (природа, бессознательное), либо антисистемам (враждебные данной надсистеме системы), расширяя тем самым базу своей свободы. Как видим, свобода нигде не представлена «сама по себе», она всегда включена в некие существующие системы, даже если существование этих систем только умозрительно (например, «божественное», «бессознательное», «дьявольское», «сверхъестественное» – не более, чем условные системы, созданные сознанием). Поэтому свобода, хаос всегда предстают нам в неких «обличьях», проявляются через носителей.

Вероятно, «свободу вообще», как и «пустоту вообще» мы воспринять не можем. А значит, любая свобода всегда «чья-то», то есть имеет границы своего проявления и «юрисдикции». И каждая система питается определенной, открытой ей свободой, причем в той мере, которую позволяет себе сама. Так, должна существовать «свобода физическая», «свобода химическая» и далее – до социальной и психической. Какая из двух последних свобод сложнее, или выше – вопрос не простой. Думаю, что наше психе теснейшим образом переплетается с социо. Социальное

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.